

Дианов Сергей Александрович

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ И ОГПУ-НКВД НА УРАЛЕ В 1920-1930 ГГ.

В статье рассматриваются практики взаимодействия института политической цензуры с органами государственной безопасности на Урале в 1920-1930 гг. Автор утверждает, что местные органы Главлита обладали достаточной самостоятельностью при осуществлении цензурного контроля. Деятельность цензоров не являлась объектом контроля со стороны органов ОГПУ-НКВД. Статья написана на основе широкого круга источников, часть которых впервые введена в научный оборот.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 56-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Во второй половине XX века к феномену смерти обратились психологи, врачи, которые изучали факты опыта смерти и личностных изменений в психологии людей, перенесших такие состояния «Жизнь после жизни» [8]; «Человек перед лицом смерти», «Надличностное видение: целительные возможности необычных состояний сознания» [4; 5]. Последователи танатологии сопоставили эти переживания с историческим опытом человечества, сохранившемся в шаманизме, ритуалах перехода, мистериях смерти и возрождения, духовном подвижничестве, древних текстах.

Подводя итог работы, отметим, что тема смерти является важнейшей и в наши дни, поскольку её тайна, закрытость, запретность во все времена притягивает своей неотвратимостью, её присутствие обостряет восприятие жизни.

Список литературы

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. 197 с.
2. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь [Электронное издание]. 680 мб.
3. Булгаков С. Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. 509 с.
4. Гроф С. Надличностное видение: целительные возможности необычных состояний сознания. М., 2004. 237 с.
5. Гроф С. Человек перед лицом смерти. М., 2002. 239 с.
6. Исупов К. Г. Трансцендентная эстетика Достоевского // Вопросы философии. 2010. № 10.
7. Лаврин А. П. Хроники Харона. Энциклопедия смерти. Новосибирск, 2009. 544 с.
8. Моуди Р. Жизнь после жизни. М.: ИД «София», 2004. 240 с.
9. Пушкин А. С. Полное энциклопедическое собрание сочинений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.free-admin.net/library/49463-a-s-pushkin-polnoe> (дата обращения: 06.02.2011).
10. Семёнова В. И. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху средневековья: автореф. ... дис. докт. культ. наук. Томск, 2006. 47 с.
11. Хейзинг Й. Осень средневековья. М., 1995. 360 с.
12. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление: в 5 т. М., 1999. Т. 2. 832 с.
13. Щербатов М. М. Разговор о смертном часе: в 2 т. СПб., 1896. Т. 1.
14. Эпштейн М. Язык бытия у Андрея Платонова // Вопросы литературы. 2006. № 2.

DEATH PROBLEM IN ANCIENT SOURCES, PHILOSOPHICAL THOUGHT HISTORY AND RUSSIAN LITERATURE OF NEW TIME (GENERAL REVIEW)

Eduard Pavlovich Dvornikov, Ph. D. in History, Associate Professor

*Department of Archeology, Ethnology and Source Study
Gorno-Altai State University
dvornikovep@yandex.ru*

In the article the range of the most important written sources of the East and also the views of philosophers and new time Russia literary men which allow considering death problem as human culture phenomenon through thanatology prism are designated on the basis of retrospective approach. The presented materials allow the reader tracing the evolutionary line of attitude to death in different cultural-chronological periods of humanity history.

Key words and phrases: culture; death; thanatology; sepulchral rite; reincarnation.

УДК 94(470.5)«1922/1939»

В статье рассматриваются практики взаимодействия института политической цензуры с органами государственной безопасности на Урале в 1920-1930 гг. Автор утверждает, что местные органы Главлита обладали достаточной самостоятельностью при осуществлении цензурного контроля. Деятельность цензоров не являлась объектом контроля со стороны органов ОГПУ-НКВД. Статья написана на основе широкого круга источников, часть которых впервые введена в научный оборот.

Ключевые слова и фразы: Урал; Главлит; Уралобллит; цензура; ОГПУ-НКВД; политконтролеры.

Сергей Александрович Дианов, к.и.н., доцент
*Кафедра новой и новейшей истории России
Пермский государственный педагогический университет
dianov-sa@rambler.ru*

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ И ОГПУ-НКВД НА УРАЛЕ В 1920-1930 ГГ. ©

Несмотря на существование в отечественной исторической науке значительного количества фундаментальных работ, в которых рассматриваются различные аспекты истории советской цензуры, проблема

взаимоотношения двух советских структур остается малоизученной. В среде специалистов нет однозначной оценки по вопросу о взаимовлиянии органов Главлита и ОГПУ-НКВД [1; 2]. В рамках настоящего исследования реконструируем процессы, протекающие между аппаратом уральской цензуры и органами государственной безопасности на Урале.

Еще до создания Главлита в 1922 г. и его местных структур сфера деятельности органов ВЧК-ГПУ включала цензурный контроль. С августа 1920 г. Особый отдел ВЧК сосредоточил в своих руках функции военной цензуры. В условиях Гражданской войны это давало чекистам неограниченные полномочия по контролю над информационным пространством РСФСР. 21 декабря 1921 г. в структуре секретно-оперативного управления ВЧК был создан отдел политконтроля (далее ПК), первоначальной задачей которого стала перлюстрация почтово-телеграфной корреспонденции [11, с. 259]. В феврале 1922 г. ВЧК была упразднена, вместо нее появилось ГПУ - Государственное политическое управление. Отдел политконтроля продолжил свою работу уже в рамках секретно-оперативного управления ГПУ до 1 ноября 1925 г. С этого времени до 5 марта 1931 г. он находился в составе отдела информации и политконтроля ОГПУ, а далее, после реорганизации последнего, был включен в Секретно-политический отдел ОГПУ.

С начала 1922 г. помимо перлюстрации сотрудники ПК вели наблюдение за работой издательств, типографий и книжных магазинов, а также занимались просмотром ввозимых и вывозимых из страны печатных произведений. С 8 марта 1922 г. на отдел ПК и его местные подразделения была возложена задача цензуры зрелищ: контроль за деятельностью театров и филармоний [Там же, с. 260].

Местные органы отдела ПК на протяжении всего 1922 г. выполняли возложенные на них функции политической цензуры. В уездах Уральского региона функцию цензора вплоть до января 1923 г. осуществляли уполномоченные ГПУ [9, с. 26]. После учреждения в уездах должности «улита» - уездного цензора, первыми инструкторами местных органов Главлита стали уполномоченные ГПУ. Так, в начале февраля 1923 г. уполномоченный ГПУ по Ирбитскому уезду Екатеринбургской губернии направил заведующему уездным отделом народного образования циркуляр следующего содержания: «Прошу срочно прибыть в ГПУ для принятия дел «В» политической цензуры, причем предлагаю взять материал, на основании которого цензура переходит в ведение завед. УОНО» [7, л. 11]. Очевидно, здесь речь шла о передаче полномочий по предварительной цензуре.

При создании же гублитов, обллитов, крайлитов в состав их коллегий, так называемых «троек», обязательно включался представитель ГПУ. Первый руководитель Уралобллит А. Д. Ослоновский в отчете за январь 1923 г. в Главлит писал по этому вопросу следующее: «Руководящая тройка составила из следующих лиц: представителя Екатеринбургского губОНО т. Ослоновского, начальника Политконтроля ГПУ т. Клопова и представителя ПОДИВа 57 зав. агитпропом т. Токарина... нач. Политконтроля послал заместителя тов. Наймушина, который работает в качестве политредактора» [5, л. 16]. В этом же отчете А. Д. Ослоновский, кроме всего прочего, подчеркнул важность присутствия для обллита работников ГПУ. По его словам, Наймушин и его помощник параллельно с выполнением своих служебных обязанностей занимались «последующей цензурой» [Там же, л. 18].

В «Инструкции уездным цензорам» от 17 января 1923 г. Уралобллит впервые обозначил сферы совместной деятельности улитов и уполномоченных ГПУ: надзор за работой уездных издательств, типографий, редакций газет, библиотек и книжных магазинов. Уполномоченные ГПУ были призваны оказывать «техническую помощь» уездным цензорам при изъятии запрещенной литературы и других печатных материалов. Цензор осуществлял предварительный контроль предназначенных к опубликованию или постановке материалов, выписывал предписания и распоряжения. Органы ГПУ выполняли последующий контроль: как исполняются учреждениями и организациями указания цензора. При обнаружении факта нарушения уполномоченный ГПУ уведомлял улит специальным циркуляром. «При ревизии типографий, типо- и хромолитографий, книжных магазинов и складов, библиотек и др. учреждениях органы ГПУ ставят об этом в известность Цензора и по окончании ревизии присылают ему акты», - говорилось в «Инструкции» [7, л. 3 об].

А. В. Блюм, говоря о «технической помощи» ГПУ, отмечает, что она сразу же перешла к прямому и очень жесткому вмешательству в литературу и вообще в книгоиздательские дела. Далее он делает вывод о «руководстве» ГПУ местными цензурными инстанциями [1, с. 105-108]. Позволим себе не согласиться с данным утверждением. Во-первых, на периферии улиты позволяли себе оспаривать право уполномоченных ГПУ производить последующую цензуру. Не только от улитов, но и от гублитов в Уралобллит поступали предложения сосредоточить в руках цензоров весь комплекс полномочий по цензурному контролю. 24 февраля 1923 г. Уралобллит и ПК губотдела ГПУ по Уралу вынуждены были издать по этому поводу специальное распоряжение, в котором органам Главлита запрещалось поднимать, а также обсуждать эту тему [7, л. 35]. Однако этот циркуляр не остановил в среде цензоров подобные суждения. Во-вторых, год спустя, 9 мая 1924 г., отдел ПК полномочного представительства ОГПУ на Урале в своем циркуляре № 3116/с обязал всех своих уполномоченных прекратить работу по «проверке книжного состава» в библиотеках и передать данное полномочие окрлитам [Там же, л. 52]. С этого времени цензурой библиотечных фондов в округах и районах занимались только цензоры Уралобллит [9, с. 27]. В-третьих, следует признать, что в руках уполномоченных ГПУ были такие средства, которые могли способствовать быстрому и эффективному упреждению возможных контрреволюционных «прорывов» в печать. Речь идет, в частности, об аппарате осведомления ГПУ. Посредством сообщений своих агентов, осведомителей органы ГПУ имели наиболее полное представление о ситуации в уезде-округе [10, с. 46-63]. Поэтому если органы ГПУ и вклинивались порой в

деятельность улита, окрлита, то это отнюдь не означало, что они стремились «ущемить» права цензоров. «Оперативная» информация помогала и самим цензорам, особенно при составлении ежемесячных отчетов в обллит.

В феврале 1923 г. Уралобллит сообщил в Главлит о том, что ПК губотдела ГПУ при обследовании своими силами нескольких библиотек г. Екатеринбурга обнаружил и произвел изъятие около 40 книг «эсеровской и меньшевистской литературы». Отмечая этот факт, Уралобллит просил Главлит дать санкцию на производство органами цензуры проверок книжных фондов библиотек по всей области. Причем обллит просил выслать и список «антикоммунистической» литературы, по которому предполагалось проводить реквизиции [5, л. 18 об]. В данном случае уральские «чекисты» провели показательную акцию, тем самым подтолкнув аппарат цензуры к более решительным действиям на своем участке работы. ГПУ не давало уральским цензорам каких-либо директив.

Из губерний и уездов Урала цензоры сообщали в Уралобллит о «хороших» взаимоотношениях с органами государственной безопасности. Так, в отчете за март 1923 г. цензор Ирбитского уезда А. Г. Арыкин писал: «Совместно с Политконтролем ГПУ мною была произведена проверка каталогов библиотеки г. Ирбита, а именно: Центральной библиотеки, Партийной, детской и педагогической. Запрещенных книг по каталогам не обнаружено» [7, л. 51]. Тюменский губернский цензор В. А. Чуканцев-Муромцев в докладной записке в Уралобллит от 1 апреля 1923 г. подчеркивал сложившиеся между его ведомством и органами ГПУ «хорошие отношения». «При обращении к ним Гублита последние всегда идут навстречу, так же как и Гублит, а потому за все время работы никаких неясностей и недоговоренностей в работе не наблюдалось», - писал цензор [6, л. 30].

В 1924-1925 гг. отношения между аппаратами уральской цензуры и органами государственной безопасности продолжали всесторонне развиваться. С мая 1924 г. Уралобллит обязал окрлиты начать использовать фельдьегерскую связь окружных отделов ОГПУ для ускорения процесса доставки секретной корреспонденции на адрес обллита в г. Свердловск [13, л. 136].

Осенью 1925 г. Уралобллит совместно с полномочным представительством ОГПУ на Урале разработал и разослал на места «Инструкцию о принципах совместной работы литов с органами ГПУ по контролю зрелищных мероприятий». «Все взаимоотношения Окрлитов и ОкрГПУ по контролю увеселительных мест и зрелищ должны быть тесно связаны и полны взаимного доверия», - говорилось в первом пункте «Инструкции» [5, д. 64, л. 40]. И вновь цензорам и уполномоченным ПК ОГПУ разъяснялись процедуры их «совместной» деятельности: окрлит занимается предварительной цензурой, а уполномоченный ПК - последующей. «В случае несоответствия или искаженности исполнения разрешенного текста /выставки, мимика/ представитель Политконтроля составляет немедленно акт о нарушении, привлекая виновных к ответственности по 224 ст. Уголовного кодекса», - отмечалось далее в «Инструкции». Вместе с тем правом закрытия каждой конкретной постановки обладал только Уралобллит. Это нам напоминает известную систему «сдержек и противовесов». Разработка очередной «Инструкции», вероятно, имела цель изжить непрекращающиеся в среде цензурных органов дискуссии об исключении органов ОГПУ из сферы цензурного контроля. На эту мысль нас наводит содержание изданного 3 ноября 1925 г. циркуляра Уралобллита № 2076. В этом документе А. Д. Ослоновский жестко раскритиковал «некоторые» окрлиты, в частности Пермский окрлит, за то, что они часто «возбуждают вопрос о том, чтобы отменить право Политконтроля ГПУ о недопущении к постановке произведений, числящихся запрещенными» [7, д. 4, л. 12]. Как отмечал Ослоновский, цензоры полагали, что у органов ОГПУ отсутствует право запрещать исполнение произведения, которое допущено к постановке окрлитом «сознательно» или «по ошибке». Во избежание возможного конфликта Уралобллит сформулировал такое правило: уполномоченный ПК имеет право запретить к постановке произведение, если оно фигурирует в рассылаемых Главлитом РСФСР списках как запрещенное. В таком случае окрлит не должен был чинить никаких препятствий. Вместе с тем у политконтролера ОГПУ отсутствовало полномочие наложить запрет на постановку произведения, имевшего визу окрлита, основываясь только на своем убеждении или особом «мнении ГПУ».

В 1926 г. особенно актуальной стала проблема сохранения секретности документооборота между окрлитами и Уралобллитом, отделом печати Уралобкома, Главлитом. На местные органы ОГПУ была возложена задача организации и проведения специального обследования состояния секретного делопроизводства в окрлитах. Результаты обследования к осени 1926 г. повсеместно выявили грубые нарушения цензорами правил хранения секретной документации, ведения регистрационного журнала входящей и исходящей секретной корреспонденции и т.д. Так, в Ирбитском окрОНО отсутствовал сейф для хранения секретных документов. Материалы хранились в выдвижном ящике письменного стола, ключи от которого находились у беспартийной секретаря-машинистки. Секретные документы печатались машинисткой на общей пишущей машинке окрОНО и к ним был открыт доступ. Любой сотрудник окрОНО имел возможность ознакомиться с содержимым секретной почты. В заключение уполномоченный Ирбитского окротдела ОГПУ Н. Елизарьев констатировал факт неудовлетворительной работы окрлита, допуская наличие возможности свободного хищения секретных документов или их безвозвратную утрату [Там же, л. 123]. Подобные нарушения были выявлены в ходе обследования деятельности Кунгурского и Шадринского окрлита [8, л. 111]. 22 декабря 1926 г. Уралобллит совместно с УралОНО издали циркуляр № 178/с, в котором призвали всех окружных инспекторов печати и зрелищ принять все необходимые меры к обеспечению сохранности секретной переписки, вести ее в соответствии с инструктивным материалом Наркомпроса РСФСР [12, л. 11].

В 1927-1930 гг. органы ОГПУ продолжали привлекаться к процедурам обследования деятельности окрлитов. В 1927 г. не только окрлиты, но и деятельность их уполномоченных при редакциях периодических изданий подлежала проверке органов ОГПУ на предмет ее соответствия правилам по хранению секретных

дел. Политконтролеры следили за тем, чтобы по окончании срока своих полномочий редактор вернул весь «секретный» материал в окрлит. В сентябре 1929 г. комплексной проверке подверглась деятельность Курганского окрлита. Комиссия, возглавляемая уполномоченным Курганского окротдела ОГПУ А. Шахановым, выявила массу нарушений. Почти год цензором не велся журнал входящей и исходящей секретной корреспонденции. Все дела секретной переписки не были пронумерованы, были собраны беспорядочно, без соблюдения принципа хронологии. Кроме того, политконтролеры обнаружили факт потери окрлитом ряда секретных документов, как-то: циркуляров Главлита № 194/с, 236/с, 523/с, 1119/с, 92/с, а также военно-экономического и политико-экономического перечней. «Все материалы секретной переписки велись разными лицами без согласования с органами Облита и ОГПУ», - писал А. Шаханов в отчетном акте обследования [3, л. 47]. Факт утраты секретных документов грозил цензору привлечением к уголовной ответственности.

А. В. Блюм утверждает, что в 1929-1930 гг. органы политического сыска стали «подминать под себя» институт цензуры. «Вполне естественно, - пишет он, - такой важный инструмент контроля, как цензура стал полностью подчиняться ГПУ/ОГПУ» [1, с. 112]. У нас нет никаких оснований, чтобы разделить эту позицию. На Урале вплоть до реорганизации Главлита в 1930 г. институт ПК ОГПУ осуществлял полномочия по последующей цензуре в рамках действующего законодательства. Каких-либо конфликтов между Уралобллитом и Политконтролем нами не обнаружено. Проверочные мероприятия, проводимые комиссиями в составе уполномоченных окружных отделов ОГПУ, согласовывались с УралОНО и обллитом. Кроме политконтролеров в состав этих комиссий, как мы можем убедиться, входили и представители самого Уралобллита. К 1931 г. органы Главлита на Урале не ощущали какого-либо довлеющего влияния со стороны органов государственной безопасности.

В 1930-е гг. деятельность органов Главлита на Урале, как и прежде, протекала при активном участии аппарата ОГПУ-НКВД. В отличие от предыдущего периода работа уполномоченных политконтроля приобретала все более закрытый характер. Органы госбезопасности старались не обнаруживать своего присутствия в цензурном деле. В новом «Положении о Главлите» от 6 июня 1931 г. в отличие от «Положения» 1922 г. не было сказано ни слова о месте органов ОГПУ в сфере цензурного контроля. На аппараты облкрайлитов были возложены полномочия по осуществлению последующей цензуры. Вместе с тем при исполнении своих профессиональных обязанностей цензоры, так или иначе, сталкивались с органами ОГПУ.

Главлит все чаще указывал цензорам на группы вопросов, которые подлежали «согласованию» с органами госбезопасности. Цензоры были лишены права самостоятельно решать вопрос о допуске в местную периодическую печать материалов, содержащих сведения о раскрытии органами госбезопасности «вредительских» и других «контрреволюционных» заговоров. Любая информация о так называемых «стройках века» также была строго засекречена. «Главлит категорически запрещает печатать в местных газетах и журналах какие-то сообщения о строительстве Беломорстроя, - говорилось в одном из циркуляров Главлита. - Центральные газеты всю информацию по указанному вопросу передают на согласование в ИНФО ОГПУ» [3, л. 43].

В сентябре 1934 г. начальник Свердловского обллита С. И. Тубанов в своем обращении к горрайлитам предписывал изымать и направлять в органы НКВД представленные к опубликованию материалы, содержащие:

«8. Сведения о работе в системе промышленности лиц, приговоренных Наркомвнутделом (ранее ОГПУ) к концлагерям.

9. Сведения о спецпереселенцах.

11. Сведения об особых полномочиях руководящего состава (право ареста, применения репрессий)» [4, л. 18 об].

Представители ОГПУ обязательно включались в комиссию по уничтожению секретной документации в органах Главлита. Не следует забывать и тот факт, что на каждого цензора обллита в спецотделе ПП ОГПУ на Урале заводилась учетная карточка, анкета с фотографией. К работе с секретной документацией кандидат на должность райлита или горлита допускался только с разрешения органа ОГПУ-НКВД. Так С. И. Тубанов, вызывая летом 1934 г. начальников райлитов в Свердловобллит, требовал от них представления «анкеты, заполненной по форме органов ОГПУ с фотокарточкой» [5, д. 23, л. 50]. Без допуска ОГПУ цензор не имел права брать в руки секретные перечни Главлита.

Нередко должностные лица аппарата уральской цензуры обращались за поддержкой к органам госбезопасности. В феврале 1935 г. в своем отчете в Свердловобллит о результатах обследования работы Коми-Пермяцкого окрлита заместитель начальника обллита П. Н. Плющев писал о выявленном им «полном развале» в работе местных цензоров. Плющев был вынужден обратиться к местным органам власти с просьбой о помощи в устранении выявленных недостатков. В частности, он отмечал: «Заручился поддержкой уполномоченного НКВД т. Малкова об оказании помощи и содействия в работе вновь назначенному окрлиту т. Мехоношину» [13, д. 443, л. 113]. Уполномоченный окружного отдела НКВД дал обещание оказывать окрлиту необходимую информационную и «техническую» помощь.

В середине и второй половине 1930-х гг. органы Главлита на Урале совместно с органами НКВД проводили очередную кампанию по «чисткам» книжных фондов городских, районных библиотек, а также и библиотек партийных комитетов ВКП(б). 10 сентября 1935 г. в докладной записке в Свердловский обком ВКП(б) начальник Свердловобллита С. И. Тубанов отмечал, что уполномоченные обллита и НКВД провели акцию по изъятию в 53 районах Свердловской области и в Коми-Пермяцком автономном округе. «Всего по области изъято 6 636 книг, из них по г. Свердловску 2 295 из 125 библиотек», - писал С. И. Тубанов [Там же, л. 114]. В октябре 1936 г. цензоры и работники НКВД бок о бок трудились, проводя изъятия «троцкистско-зиновьевской» литературы в Краснополянском, Ирбитском и Кунгурском районах Уральской области.

Исследование показало, что «чекисты» оказывали цензорам не только «техническую» помощь, но и информационную, а порой административную. «Чекисты» следили за соблюдением окрлитами и райлитами нормативов секретного делопроизводства. Пути цензоров и уполномоченных ОГПУ-НКВД часто пересекались. Вряд ли имеет смысл утверждать, что политконтролеры ОГПУ никогда не вмешивались в работу цензоров. И цензоры, в свою очередь, нередко брали на себя полномочия политконтролеров. Сложно согласиться с А. В. Блюмом, что в 1930-е гг. «Министерство правды» стало не более чем департаментом НКВД [1, с. 112].

Список литературы

1. Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды»: тайная история советской цензуры. 1917-1929. СПб., 1994. 320 с.
2. Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 407.
3. Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-48. Оп. 3. Д. 6.
4. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 11.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2.
6. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 547.
7. ГУ «Государственный Архив в г. Ирбите». Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1.
8. ГУ «Государственный архив в г. Шадринске». Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 805.
9. Дианов С. А. «Крепкая узда пролетарской диктатуры на Урале»: органы Главлита на Урале в 1922-1941 гг. Пермь, 2010. 164 с.
10. Дианов С. А. Политический контроль в Пермском крае в 1919-1929 гг.: монография. Пермь, 2008. 202 с.
11. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2001. 368 с.
12. МУ «Кунгурский городской архив». Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 15.
13. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64.

RELATIONS OF POLITICAL CENSORSHIP BODIES WITH JOINT STATE POLITICAL DIRECTORATE - PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR INTERNAL AFFAIRS IN URAL IN THE 1920-1930S

Sergei Aleksandrovich Dianov, Ph. D. in History, Associate Professor

*Department of New and Modern History of Russia
Perm' State Pedagogical University
dianov-sa@rambler.ru*

In the article the practices of the interaction of political censorship institute with national security bodies in Ural in the 1920-1930s are considered. The author states that the local bodies of General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press had enough independence while censorial control realization. Censors' activity was not the object of control by the bodies of Joint State Political Directorate - People's Commissariat for Internal Affairs. The article is written on the basis of a wide range of sources, part of which is for the first time introduced into scientific circulation.

Key words and phrases: Ural; General Directorate for the Protection of State Secrets in the Press; Ural Regional Censorial Directorate; censorship; Joint State Political Directorate - People's Commissariat for Internal Affairs; political controllers.

УДК 281.93 + 913 (Заб)

Статья посвящена выявлению уровня финансового благосостояния православных монастырей Забайкалья во второй половине XIX - начале XX вв. На основании анализа материалов Государственного Архива Забайкальского края характеризуются объемы капиталов обитателей, поступлений и затрат, в ряде случаев рассматриваются расходы по отдельным статьям. Делается попытка сравнения финансового положения всех монастырей региона. По всем обителям характеризуются источники поступления средств, определяются места их хранения. Выявляются проблемы, возникавшие у монастырей в связи с нехваткой денежных средств и пути их решения.

Ключевые слова и фразы: православие; монастыри; обители; капитал; монашествующие; епархия; Забайкалье; штаты; пожертвования; благотворители.

Евгений Викторович Дроботушенко, к.и.н., доцент

Кафедра политологии

*Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского
drzz@yandex.ru*

**ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНИЕ МОНАСТЫРЕЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В ЗАБАЙКАЛЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА** ©

Во второй половине XIX - начале XX вв. на территории Забайкалья одновременно существовало шесть православных монастырей. Мужские: Селенгинский Свято-Троицкий, Посольский Спасо-Преображенский